Влияние злоупотребления правом на течение и восстановление срока исковой давности: проблемы теории и практики

Дахов Юрий Викторович
Аспирант, Московский финансово-промышленный университет «Синергия», dahoff@mail.ru

Статья посвящена коллизии двух начал российского гражданского права — правовой определённости, воплощённой в институте исковой давности, и добросовестности, стоящей за запретом злоупотребления правом (ст. 10 ГК РФ). Опираясь на акты Конституционного Суда РФ 2020–2024 гг., практику Верховного Суда РФ и труды В.П. Грибанова, И.А. Покровского, С.В. Мусарского, А.Г. Карапетова, автор обосновывает тезис о том, что заявление ответчика о пропуске срока есть реализация субъективного права и потому подпадает под режим п. 1 ст. 10 ГК РФ. Выделены три модели судебной реакции на недобросовестное давностное возражение: отказ в применении давности как санкция, корректировка момента начала течения срока через п. 1 ст. 200 ГК РФ, квалификация противоречивого поведения истца через эстоппель. Отдельно рассмотрено влияние злоупотребления правом на восстановление срока по ст. 205 ГК РФ. Сделан вывод о необходимости сдержанного применения ст. 10 ГК РФ к институту давности при неприкосновенности объективного десятилетнего срока.

Ключевые слова: исковая давность, злоупотребление правом, добросовестность, эстоппель, восстановление срока, статья 10 ГК РФ, статья 200 ГК РФ, статья 205 ГК РФ, объективный срок, шикана.

Российское правопонимание исковой давности за последние пять лет заметно изменилось. Серия постановлений Конституционного Суда РФ — от 15 апреля 2020 г. № 18-П, от 4 июля 2022 г. № 27-П, от 26 февраля 2024 г. № 8-П и от 31 октября 2024 г. № 49-П — зафиксировала тренд, ещё недавно казавшийся невозможным: формальное применение давностных сроков перестало быть абсолютной ценностью [4; 5; 6; 7]. Суд вправе (а иногда обязан) заглянуть за процессуальную вывеску и оценить, не превращается ли правило о давности в орудие закрепления несправедливости.

Проблема конкретна. Ответчик заявляет о пропуске срока — формально безупречно, по п. 2 ст. 199 ГК РФ. Но что, если заявление есть финальный шаг стратегии, выстроенной на введении истца в заблуждение, сокрытии обстоятельств, имитации переговоров? Допустимо ли через ст. 10 ГК РФ заблокировать давностное возражение или скорректировать момент начала течения срока по п. 1 ст. 200 ГК РФ? И как это отражается на институте восстановления давности (ст. 205 ГК РФ), упоминающем лишь «уважительные причины», связанные с личностью истца? Цель настоящей работы — очертить догматически согласованные пределы применения запрета злоупотребления правом к институту давности в обоих аспектах.

Догматический каркас: два института, два интереса

Начнём с дефиниции, пережившей несколько поколений отечественных цивилистов. В.П. Грибанов понимал злоупотребление правом как «особый тип гражданского правонарушения, совершаемого управомоченным лицом при осуществлении им принадлежащего ему права, связанный с использованием недозволенных конкретных форм в рамках дозволенного ему законом общего типа поведения» [8, с. 63]. Конструкция оспаривалась с первого дня. И.А. Покровский допускал лишь одну форму — шикану, усматривая в расширительном толковании источник судейского произвола: категория добросовестности казалась ему слишком эластичной, чтобы опереть на неё устойчивую систему прав [9, с. 113]. С.В. Мусарский в обновлённом издании занимает промежуточную позицию: злоупотребление есть «вредоносное осуществление субъективного гражданского права, хотя и правомерное, но приводящее к явно несправедливому результату» [10, с. 42].

Общий знаменатель трёх подходов один: оцениваемое поведение индивидуально, критерий субъективный. Исковая давность устроена принципиально иначе — это инструмент правовой определённости, а не санкция и не мера индивидуальной оценки. И.Б. Новицкий в классической монографии описывал её как средство устранения неопределённости в отношениях сторон и дисциплинирования гражданского оборота. Современные авторы — М.А. Ерохова и С.В. Сарбаш [13, с. 82] и коллектив комментария «Глосса» под редакцией А.Г. Карапетова — доводят мысль до предела: давность защищает ответчика не как конкретного субъекта, а как любого участника оборота под угрозой застарелого притязания; институт имеет смешанную природу, где публичный интерес преобладает над частным.

Отсюда первый парадокс: запрет злоупотребления — инструмент микрооценки поведения, давность — макронорма оборота. Применение первого ко второй возможно, но каждый такой случай колеблет системный интерес в пользу частного.

Заявление о давности как субъективное право

Здесь и начинается самое интересное. П. 2 ст. 199 ГК РФ наделяет ответчика правом заявить о пропуске срока; Пленум ВС РФ в п. 10 Постановления от 29 сентября 2015 г. № 43 подтверждает: давность применяется исключительно по заявлению стороны в споре [3]. Заявление — не процессуальная формальность, а реализация самостоятельного субъективного права (в римско-правовой традиции — exceptio). А любое субъективное право в отечественном правопорядке подчинено режиму ст. 10 ГК РФ.

А.В. Потеева формулирует это с юридической прямотой: «Заявление ответчика о применении судом исковой давности (эксцепция), будучи одним из способов защиты нарушенного субъективного права, также является субъективным гражданским правом, на которое распространяется гражданско-правовой режим недопустимости недобросовестного поведения» [11, с. 70]. Тезис нетривиален: он

означает, что общий стандарт добросовестности, сформулированный в п. 1 Постановления Пленума ВС РФ от 23 июня 2015 г. № 25, распространяется и на поведение ответчика в части подачи давностной эксцепции [2].

Техническое уточнение. П. 5 ст. 10 ГК РФ закрепляет опровержимую презумпцию добросовестности. Бремя доказывания злоупотребления лежит на истце; одного указания на несправедливость результата недостаточно. Нужны факты активного, а не пассивного противодействия. Преюдициальный порог этой доказательственной задачи намеренно высок — иначе институт давности утрачивает устойчивость.

Три модели судебной реакции

Практика высших судов за последние пятнадцать лет отработала три принципиально различные модели преодоления недобросовестной давностной эксцепции. Ни одна не является универсальной; каждая применяется в своём фактическом ареале.

Первая модель — отказ в применении давности как санкция за злоупотребление. Классика жанра: Постановление Президиума ВАС РФ от 22 ноября 2011 г. № 17912/09 по делу № А54-5153/2008, где прямо зафиксировано — суд вправе отказать в применении исковой давности, и такой отказ соответствует п. 2 ст. 10 ГК РФ, выступая санкцией за злоупотребление правом. Подход закрепился в банкротной практике (Постановление АС Северо-Западного округа от 11 ноября 2014 г. по делу № А26-8130/2010): действия руководителя должника, не доведшего информацию до конкурсного управляющего, воспрепятствовали своевременному предъявлению требования. Модель привлекательна прямотой, слаба в той же прямоте: отказ действует точечно, в одном деле, но подрывает институт в целом.

Вторая модель — корректировка момента начала течения срока через п. 1 ст. 200 ГК РФ. Шаг куда более тонкий: суд не отменяет давность, а пересматривает дату, с которой она начала течь. Если ответчик активно скрывал обстоятельства нарушения, истец не мог и не должен был узнать о них в момент формального нарушения. Значит, начало течения смещается к моменту, когда истец получил (или должен был получить) необходимую информацию. Пленум ВС РФ в п. 1 Постановления № 43 такую гибкость прямо допускает, увязывая начало течения срока с совокупностью обстоятельств — знанием о нарушении и о надлежащем ответчике [3]. На наш взгляд, эта модель догматически наиболее чиста: она не ломает конструкцию давности, а применяет её в свете добросовестности — архитектура института сохраняется, корректируется лишь параметр исчисления.

Третья модель — эстоппель, принцип venire contra factum proprium. В отечественный правопорядок он вошёл Постановлением Президиума ВАС РФ от 22 марта 2011 г. № 13903/10. Если истец на предшествующем этапе полагался на заверения ответчика, а тот признавал обязательство, участвовал в переговорах о реструктуризации, не возражал по сроку — последующее заявление о давности блокируется. Е.Е. Якушева показывает: российская практика восприняла эстоппель как защиту против ситуаций, где формальная ссылка на срок противоречит ранее принятой стороной линии поведения [12, с. 58]. Нормативный якорь — п. 5 ст. 166 ГК РФ. Эстоппель не тождественен злоупотреблению правом, хотя родственен ему: работает уже, но без дискуссии о «предельной недобросовестности».

Влияние злоупотребления правом на восстановление срока (ст. 205 ГК РФ)

Обратимся к аспекту, часто оказывающемуся в тени. Ст. 205 ГК РФ допускает восстановление пропущенного срока давности при наличии уважительных причин, связанных с личностью истца (тяжёлая болезнь, беспомощное состояние, неграмотность). Перечень полуоткрытый, но ядро нормы ясно: внимание концентрируется на объективных обстоятельствах, препятствовавших истцу реализовать право. И только на истце — не на ответчике.

Возникает вопрос. Если истец не воспользовался сроком из-за недобросовестного поведения ответчика — введения в заблуждение, имитации переговоров, обещаний добровольного исполнения — является ли это обстоятельство уважительной причиной по ст. 205 ГК РФ? Буквальное толкование отрицательно: ст. 205 говорит о причинах, связанных с личностью истца; поведение контрагента в перечень не укладывается. Формально — восстановление невозможно.

Полагаем, такой подход узок. Практика это молчаливо подтверждает: суды, сталкиваясь с явной недобросовестностью ответчика, выбирают обходные пути — либо смещают момент начала течения срока (модель 2), либо блокируют давностную эксцепцию через ст. 10 ГК РФ (модель 1). Путь через ст. 205 они избегают не потому, что он невозможен, а потому, что норма под ситуацию не приспособлена: уважительная причина здесь — объективное препятствие, а поведение ответчика в этой логике остаётся чужим грехом, а не собственной бедой истца.

Возникает системный разрыв. Ст. 205 и ст. 10 ГК РФ живут в разных логиках: первая оценивает истца, вторая — ответчика. Между ними — лакуна, через которую уходят недобросовестные давностные возражения и которую суды заполняют творческим толкованием. De lege ferenda оправдано дополнить ст. 205 ГК РФ указанием: восстановление возможно и в случаях, когда пропуск срока обусловлен активным недобросовестным препятствованием со стороны ответчика. Поправка легализовала бы то, что сегодня делается окольными путями.

Объективный десятилетний срок и пределы ст. 10 ГК РФ

Отдельный сюжет — п. 2 ст. 196 ГК РФ, установивший десятилетний предельный срок исковой давности. Можно ли через ст. 10 ГК РФ «пробить» этот срок? Абз. 3 п. 8 Постановления Пленума ВС РФ № 43 формулирует правило прямо: десятилетний срок не подлежит восстановлению и не может быть преодолён ссылкой на злоупотребление правом [3]. Обоснование очевидно — публично-правовая природа срока. Он защищает не ответчика как такового, а стабильность оборота в целом.

Твёрдость этой позиции показало дело № А12-2692/2015 («Нефтегазмонтаж» против «Нефтезаводмонтажа»). В Определении от 26 января 2016 г. № 301-ЭС15-5443 Экономическая коллегия ВС РФ допустила возможность отказа в применении давности при недобросовестности ответчика. Однако Президиум ВС РФ Постановлением от 28 сентября 2016 г. № 203-ПЭК16 это определение отменил, указав: применение позиции о приоритете ст. 10 ГК РФ допустимо только в исключительных случаях — при сделках, очевидно нарушающих основополагающие начала российского правопорядка. Сигнал очевиден: первая модель сужается до крайних случаев.

Картина была бы однозначной, если бы не позиция КС РФ. Постановлением от 31 октября 2024 г. № 49-П ст. 196 ГК РФ во взаимосвязи с другими нормами признана неконституционной в части применения к антикоррупционным искам прокуратуры об обращении имущества в доход государства [7]. Изъятие сделано не через ст. 10 ГК РФ, а через конституционно-правовое переосмысление. Сюжет особый, не касающийся типичного частноправового спора. В сфере же частноправового спора объективный десятилетний срок должен оставаться неприкосновенным: допустить его преодоление через ст. 10 ГК РФ — значит обессмыслить саму идею пресекательности. И.А. Покровский предупреждал именно об опасности размывающего применения категории добросовестности: широкая судейская дискреция в оценке осуществления права способна дестабилизировать право [9, с. 113].

Критерии недобросовестного давностного возражения

Синтезируя судебную практику и доктринальные подходы, очертим ситуации, при которых заявление о пропуске давности допустимо квалифицировать как злоупотребление правом. Первая — активное введение истца в заблуждение: обещания исполнения, переговоры о реструктуризации, отказ от возражений по сроку при прямом вопросе о намерениях. Вторая — намеренное сокрытие обстоятельств, без знания которых истец объективно не мог обратиться в суд (утаивание документов, подмена адресов корреспонденции). Третья — противоречивое поведение: признание обязательства или его частичное исполнение с последующим возражением о давности.

За этими границами — обычная осмотрительность ответчика. Простое ожидание истечения срока без активных недобросовестных действий квалификации как злоупотребление не заслуживает. Ответчик вправе рассчитывать на защиту, предоставляемую ему институтом давности; и пока он не делает ничего, препятствующего своевременному предъявлению иска, его бездействие есть не шикана, а реализация правомерного интереса.

Институт исковой давности и запрет злоупотребления правом состоят в диалектическом единстве: первый защищает оборот от

застарелых притязаний, второй — конкретного участника от формального использования норм во вред. Российская судебная практика, прошедшая путь от прямолинейной санкции через эстоппель к корректировке момента начала течения срока, движется концептуально верно: архитектура института давности сохраняется, справедливость в конкретном споре обеспечивается точечной настройкой.

В части восстановления давности (ст. 205 ГК РФ) сохраняется системный пробел: норма не учитывает недобросовестность контрагента как самостоятельное основание восстановления срока. Практика обходит пробел творческим толкованием, однако корректным было бы прямое законодательное дополнение ст. 205 соответствующим основанием.

Объективный десятилетний срок должен оставаться неприкосновенным в частноправовом споре. Изъятия, установленные КС РФ (Постановление от 31 октября 2024 г. № 49-П), носят характер точечной конституционно-правовой корректировки и не должны превращаться в образец для расширительного толкования. Судам следует применять ст. 10 ГК РФ в связке с давностью сдержанно, требуя от истца убедительного доказательства активного воспрепятствования со стороны ответчика. Только такой подход сохраняет баланс между правовой определённостью и добросовестностью — двумя конституционными ценностями, к необходимости согласования которых КС РФ обращался четырежды за пять последних лет [4; 5; 6; 7].

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 8.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.09.2015 № 43 (ред. от 22.06.2021) «О некоторых вопросах, связанных с применением норм Гражданского кодекса Российской Федерации об исковой давности» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 12.
4. Постановление Конституционного Суда РФ от 15.04.2020 № 18-П // Собрание законодательства РФ. 2020. № 17. Ст. 2791.
5. Постановление Конституционного Суда РФ от 04.07.2022 № 27-П // Собрание законодательства РФ. 2022. № 28. Ст. 5092.
6. Постановление Конституционного Суда РФ от 26.02.2024 № 8-П // Собрание законодательства РФ. 2024. № 10. Ст. 1359.
7. Постановление Конституционного Суда РФ от 31.10.2024 № 49-П // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 10.04.2025).
8. Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав. 3-е изд., испр. М.: Статут, 2022. 414 с.
9. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. 8-е изд. М.: Статут, 2020. 351 с.
10. Мусарский С.В. Основные взгляды на сущность злоупотребления правом в зарубежном и отечественном гражданском праве. 2-е изд., испр. и доп. М.: Зерцало-М, 2022. 148 с.
11. Потеева А.В. О злоупотреблении правом на обращение с заявлением о применении исковой давности: вопросы правовой квалификации // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. 2025. № 2 (82). С. 107–114.
12. Якушева Е.Е. Принцип эстоппеля в гражданском праве как механизм предотвращения противоречивого поведения // Lex russica. 2023. Т. 76. № 8. С. 52–66.
13. Ерохова М.А., Сарбаш С.В. Изменение сроков исковой давности по соглашению сторон // О договорах: Сборник статей к юбилею В.В. Витрянского. М.: Статут, 2017. С. 76–93.

The impact of abuse of rights on the running and restoration of the limitation period: problems of theory and practice

Dakhov Yu.V.

Moscow Financial and Industrial University «Synergy»

The article addresses the collision between two foundational principles of Russian civil law — legal certainty, embodied in the limitation period, and good faith, underlying the prohibition of abuse of rights (Article 10 of the Civil Code). Drawing on rulings of the Constitutional Court issued between 2020 and 2024, the case law of the Supreme Court, and doctrinal works by V.P. Gribanov, I.A. Pokrovsky, S.V. Musarsky, and A.G. Karapetov, the author argues that the defendant's plea of the lapse of the limitation period constitutes the exercise of a subjective right and therefore falls within the regime of Article 10(1). Three judicial models of response to a bad-faith limitation plea are critically assessed: outright refusal to apply the limitation period as a sanction; adjustment of the moment when the period begins to run under Article 200(1); and qualification of inconsistent conduct via estoppel. The effect of abuse of rights on restoration of the period under Article 205 is examined separately. The author concludes in favour of a restrained application of Article 10, preserving the inviolability of the ten-year objective period.

Keywords: limitation period, abuse of rights, good faith, estoppel, restoration of the limitation period, Article 10 of the Civil Code, Article 200 of the Civil Code, Article 205 of the Civil Code, objective period, chicanery.

References

1. Civil Code of the Russian Federation (Part One) of November 30, 1994 No. 51-FZ (as amended on August 8, 2024) // Collected Legislation of the Russian Federation. 1994. No. 32. Article 3301.
2. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 23, 2015 No. 25 "On the Application by Courts of Certain Provisions of Section I of Part One of the Civil Code of the Russian Federation" // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2015. No. 8.
3. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of September 29, 2015 No. 43 (as amended on June 22, 2021) "On Certain Issues Related to the Application of the Norms of the Civil Code of the Russian Federation on the Limitation Period" // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2015. No. 12.
4. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of April 15, 2020 No. 18-P // Collected Legislation of the Russian Federation. 2020. No. 17. Article 2791.
5. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of July 4, 2022 No. 27-P // Collected Legislation of the Russian Federation. 2022. No. 28. Article 5092.
6. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of February 26, 2024 No. 8-P // Collected Legislation of the Russian Federation. 2024. No. 10. Article 1359.
7. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of October 31, 2024 No. 49-P // Official Internet Portal of Legal Information. URL: http://pravo.gov.ru (accessed: 10.04.2025).
8. Gribanov V.P. Implementation and Protection of Civil Rights. 3rd ed., corrected. Moscow: Statut, 2022. 414 p.
9. Pokrovsky I.A. Main Problems of Civil Law. 8th ed. Moscow: Statut, 2020. 351 p.
10. Musarsky S.V. Main Views on the Essence of Abuse of Rights in Foreign and Domestic Civil Law. 2nd ed., corrected and supplemented. Moscow: Zertsalo-M, 2022. 148 p.
11. Poteyeva A.V. On the Abuse of the Right to File a Petition for the Application of the Statute of Limitations: Issues of Legal Qualification // Bulletin of Tver State University. Series: Law. 2025. No. 2 (82). Pp. 107–114.
12. Yakusheva E.E. The Principle of Estoppel in Civil Law as a Mechanism for Preventing Contradictory Behavior // Lex Russica. 2023. Vol. 76. No. 8. Pp. 52–66.
13. Erokhova M.A., Sarbash S.V. Changing the Limitation Period by Agreement of the Parties // On Contracts: Collection of Articles for the Anniversary of V.V. Vitryansky. Moscow: Statut, 2017. Pp. 76–93.